

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.

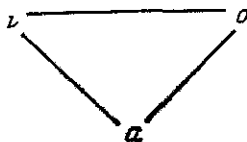
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

(К новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки)

0. Проверка типологических обобщений на новом материале. Одной из важнейших проблем лингвистической типологии является обоснование доказательности выводов, сделанных на материале хорошо изученных языков (и диалектов), число которых не превышает нескольких сотен, что существенно меньше (примерно на порядок) числа (около 3—5 тысяч) всех известных языков (и диалектов). Из этого не очень представительного числа всех изученных языков в типологических обзорах нередко учитывают только часть. В частности, в известной фонологической базе данных Калифорнийского университета UPSID, на основании которой писалась монография Меддисона о типологии согласных (с главами Диснер о гласных [1]) и подготовлены последующие работы [2, 3], учитывается 317 языков (при этом в соответствии с идеей представленности в выборке только одного из близкородственных языков другие языки той же семьи не рассматриваются). Кажется уже поэтому важным соотнести выводы типологии с вновь получаемыми результатами описания.

В этом отношении особый интерес представляют новейшие исследования таких языков, которые в силу их труднодоступности и малой описанности почти или совсем не учитывались даже в недавно опубликованных типологических обобщениях. Привлечение этих новых данных позволяет проверить («фальсифицировать» в смысле логической теории) те выводы, которые были сделаны раньше. Ниже для сопоставления со сделанными ранее типологическими выводами использованы языки бассейна Амазонки (в известных отношениях рассматриваемые как единая языковая «зона» или «ареал», куда вошли языки разных семей).

1. Типология фонологических систем с минимальным числом сегментных единиц. Для фонологической типологии наибольший интерес представляет система сегментных фонем языка пирахан (около 110 говорящих вдоль реки Маини, семья мура, иногда предположительно включаемая в макросемью чибча; язык иногда называют мура-пирахан). Это, согласно наблюдениям Эверетта [4—7], язык едва ли не с наименьшим числом известных фонемных сегментных единиц — их всего 10 : 3 гласных и 7 согласных. Гласные образуют треугольник, хорошо согласующийся с выво-

В этом треугольнике фонема /i/ имеет в качестве аллофонов различные гласные переднего ряда: [e], [ɛ] и т. п., а фонема /o/ реализуется как лабиализованный задний гласный верхнего подъема [u] в позиции после фонемы /h/. Поскольку число гласных фонем столь мало, возможны такие аллофоны, как назализованные, обнаруживающиеся факультативно у всех 3 гласных в позиции после фонем /ʔ/ (/x/ в обозначении Эверетта) и /h/.

Учитывая морфонологические чередования фонемы и ее палатального варианта, в системе 7 согласных (на 1 фонему больше, чем минимальное число, известное в UPSID) можно выделить 3 фонемы с такими чередованиями: /s/ (палатальный вариант [š] перед /i/), /t/ (палатальный вариант [tʃ] перед /i/), /h/ (палатальный вариант [kʰ] перед /i/, лабиовелярный вариант [kʷ] выступает вместо /h/ перед фонемой /o/). Остальные 4 согласных фонемы образуют две пары с противопоставлением глухих смычных и звонких или носовых сонантов: губные /p/ : /b/ (носовой вариант [m]) и негубные (глубокозаднеязычные — фарингальные) /ʔ/ (с факультативным вариантом [k]- в начале слова): /g/ (носовой вариант [ŋ]). Факультативное появление у вторых членов двух этих пар носовых вариантов (соответственно [m]- и [ŋ]-) обусловлено позицией в абсолютном начале синтагмы (после паузы). В других позициях (в частности, перед /o/) и в особых социолингвистических условиях у тех же двух фонем возможны факультативные аллофоны: вибранты — билабиальный [b] (ср. русск. *бrrrr...*, звонкое соответствие глухому звуку, известному, например, в русском междометии *тпру* [8]) и апико-альвеолярный/субламинально-лабиальный двойной ударный агрессивный звонкий латерализованный [ɹ], ранее ни в одном языке не встретившийся. «При образовании этого звука кончик языка касается краев альвеол и затем высовывается изо рта, почти касаясь верхней части подбородка, тогда как нижняя часть языка дотрагивается до нижней губы» [5]. Подобная фонетическая редкость вызывает изумление авторов последнего обзора звуков всех языков мира, затрудняющихся включить эту диковинку в свои общие таблицы [9]. Наличие таких необычных аллофонов в системе согласных с очень малым числом сегментных фонем представляет интерес и для проверки высказывавшейся в недавнее время точки зрения, согласно которой при наименьшем числе фонем из них чаще всего встречаются наиболее элементарные базовые [1, с. 11; 2, 3]. Уже было замечено, что это можно объяснить простыми статистическими соображениями [10]. Но вместе с тем очевидно, что при малом числе фонем теоретически возможно большое многообразие их вариантов-аллофонов. Этим можно объяснить и наличие столь экзотических вариантов у /ʔ/ в пирахан.

Первые (глухие) члены /p/, /ʔ/ двух пар согласных фонем, не входящих в морфонологические чередования по палатализации, отличаются также значительными возможностями факультативных чередований: /p/ может выступать в виде имплозивного /pɣ/ в некоторых диалектах, тогда как /ʔ/ выступает и в виде [k]- в начале слова. Поэтому для этих двух фонем в отличие от /t/ характерной можно считать глоттальную (ларингально-фарингальную) артикуляцию. При столь малом числе согласных фонем

естественно можно ждать большого числа факультативных вариантов. Неожиданным и поэтому особенно примечательным представляется то, что эти варианты либо представляют собой чрезвычайно редкие звуки (как вариант [ʃ]), либо совпадают у разных фонем пирахан. Так, звук [k] может быть аллофоном фонем /p/ (ср. варианты /^ʔapaɪ/ ~ /^ʔakaɪ/ «голова»), /t/ (варианты [ko^ʔotai] ~ [ko^ʔokai] «желудок», где возможен и вариант [ko^ʔorai], вероятно, следствие диссимиляции?), /^ʔ/ (в начале слова), /h/ (ср. варианты отрицания /hiaba/ ~ [kaba] «не»). Звук /s/ может быть аллофоном фонем /h/ (в конечных слогах имен существительных, ср. варианты /^ʔapisi/ ~ /^ʔapihi/ «рука») и /s/. Иначе говоря, противопоставления таких смычных фонем, как /p/, /t/, /^ʔ/, и таких спيرانтов, как /s/ и /h/, в значительном числе случаев нейтрализуется, что кажется трудно объяснимым именно при столь малом числе сегментных фонем.

В соответствии со сказанным система согласных может быть представлена следующим образом:

	Непатализуемые		Палатализуемые шумные
	Смычные глухие (глоттальные)	Звонкие (носовые) вибранты	
Губные	/p/ ~ [p ^q]	[b ~ m ~ ɸ]	
Негубные	/ ^ʔ / ~ [k]	[g ~ n ~ ɲ]	/s/ ~ [ʃ] /t/ ~ [tʃ] /h/ ~ [k] ~ [s]

Система пирахан показывает, что для описания подобных языков с очень небольшим числом фонем учет факультативных аллофонов обязателен, иначе могут быть сделаны неверные обобщения: говорить о фонеме /b/ в пирахан было бы не вполне точно, т. к. она представлена и носовым аллофоном /m/, и вибрантом /h/. Именно неучет таких вариантов в UPSID привел к оспоренному выше выводу.

В более широком типологическом аспекте пирахан можно сопоставить с теми языками тихоокеанского ареала, где, как в айнском, австралийских и полинезийских языках, число согласных невелико. Отличие от всех этих (и от других амазонских) языков в пирахан могло бы состоять в категории звонких, но с учетом фонемных вариантов может быть типологически было бы правильнее сравнить пары фонем типа /p/ : /b/ ~ [m] в пирахан с парами типа /p/ : /m/ в аранта, где только в подобных парах Sommerfeldt [11] находил «пропорциональные оппозиции», хотя возможны и другие решения ([12]; предполагается большее число согласных в аранта, чем у Sommerfeldt, но в тексте статьи не доказан фонемный статус соответствующих единиц).

Аналогичны фактам аранта и (по предлагаемой интерпретации) пирахан пропорции /p/ : /m/, /k/ : /g/ в разговорном варианте самоанского, сохраняющего всего 5 смычных и носовых, развившихся из 7 общеполинезийских [13].

Особенно близкое сходство с составом согласных фонем и основных аллофонов пирахан обнаруживается из языков тихоокеанского ареала в айнском, где (как и в аранта по Sommerfeldt) общее число согласных фонем — 11, тогда как гласных 5 (кроме треугольника /i/ — /a/ — /u/, предполагающегося и в аранта, есть также /e/ — /o/ [14]). Согласно Поливанову, в основном следовавшему за Доброворским, но использовав-

шему кроме материалов Невского и собственные наблюдения (в частности, об импловизивном характере конечных смычных в абсолютном исходе слова ¹), в айнском есть следующие согласные фонемы:

	p	m	w	
	t	n	s	
	č		š	
	tr			
	k		h	

Другие описанные к настоящему времени языки Амазонки имеют относительно бедный состав гласных, лишь на пять — восемь фонем превосходящий набор консонантизма пирахан: в апалаи (карибский язык севера Бразилии) 12 согласных фонем (глухие смычные /p/, /t/, /k/, /ʔ/, носовые /m/, /n/, глайды /w/, /j/, спиранты /s/, /z/, /š/, дрожащий /r/) [16], в канела (семья жé, центральное бразильское плато) тоже 12 согласных фонем (глухие смычные /p/, /t/, /k/, глухие придыхательные аффицированные /ts/, /kʰ/ при отсутствии как и в пирахан, лабиального члена этого ряда, лабиальный спирант /v/, палатальный спирант /j/ ~ [z], заднеязычный спирант [x], носовые /m/, /n/, /ŋ/, плавный /l ~ r/) [17], в гуаджаджа-ра (семья тупи-гуарани, северо-восточная Бразилия) — 14 фонем (глухие /p/, /t/, /k/, /kʷ/, /ʔ/, носовые /m/, /n/, /ŋ/, /ŋʷ/, глайд /w/, спиранты /s/, /z/, /h/, дрожащий ударный /r/ [18, с. 437], в уруб-каапор (семья тупи-гуарани, северо-восток Бразилии) 15 фонем (смычные /p/, /t/, /k/, /kʷ/, /ʔ/, носовые /m/, /n/, /ŋ/, /ŋʷ/, спиранты /s/, /š/, плавный /r/, глайды /w/, /j/) [19]. Таким образом, разные языки этой фонологической зоны (за небольшими исключениями, к которым с оговорками по поводу звонкости относится пирахан) объединяются типологически (независимо от вхождения в ту или иную семью) отсутствием противопоставления по глухости — звонкости у смычных, обязательностью противопоставления по наличию или отсутствию назализации.

В отличие от пирахан большинство других языков Амазонки уравнивает бедность консонантизма относительным богатством гласных фонем: в апалаи их 12 (6 неносовых: /i/, /i/, /u/, /e/, /a/, /o/, 6 носовых: /ĩ/, /ĩ/, /ũ/, /ẽ/, /ã/, /õ/), в уруб-каапор тоже 12 носовых и неносовых, точно те же, что и в апалаи, в канела 17 (3 передних неогубленных неносовых /i/, /e/, /e/, 2 носовые /ĩ/, /ẽ/, 3 задних неогубленных неносовых /y/, /y/, /ã/, 2 носовые /ỹ/, /ã/, 3 задних огубленных неносовых /u/, /o/, /õ/, 2 носовые /ũ/, /õ/, 1 среднего ряда неносовая /a/, 1 носовая /ã/).

В пирахан, как и в айнском (по Поливанову), бедность фонемного сегментного состава возмещается наличием тонов (двух фонологически значимых, дающих четыре фонетических варианта) и относительной длиной слогового состава словоформы, часто трехсложной (*ʔibogi* «молоко», *ʔápišo* «кора»), но нередко доходящей до пяти и более слогов (*tiobāhai* «ребенок», *giopaiʔi* «собака», *kapiʔio* «другой», *ʔabagisoʔaoʔoisai* «пила», *ka.pii.ga.ii.to.ii* «карандаш» [20, 21]. Относительно большая длина словоформ отмечается и в других языках зоны Амазонки, где несколько гласных используется в сочетаниях типа апалаи *oeonary* «твой нос» и т. п. Таким об-

¹ Небольшой раздел книги безвременно умершего талантливого исследователя айнского языка Добротворского (врача по образованию), посвященный обоснованию предложенной им для этого языка орфографической системы на основе русской графики [15, с. 54—68], представляет собой удивительный для своего времени пример использования подхода, предвосхищающего фонологический, в сочетании с дельными замечаниями об акустической и артикуляционной сторонах произношения айнских звуков.

разом, в общем виде подтверждается выводимая на основе теоретических предположений и подкрепляемая данными полинезийских языков обратная зависимость между величиной фонемного инвентаря и длиной слова [22, 23].

2. Отличия глагола от имени и их соотносительный удельный вес в системе и в тексте. Особый интерес представляют языки Амазонки для исследования типологии удельного веса глагола по сравнению с именем. В общем виде остается верным наблюдение, сформулированное еще Сеширом [24] и позднее рядом других типологов [25—28] об универсальности самого различия между глаголом и именем, что согласуется и с выводами общей грамматики [29—31]. Но если при этом в некоторых языках и языковых семьях Старого Света предполагается возрастание удельного веса именных конструкций по направлению к древности (ср., в частности, возможность сведения исходных праформ личных глагольных конструкций к притяжательным [32], то в языках зоны Амазонки отмечается, наоборот, значимость глагольных форм в тексте, делающая избыточным употребление именных форм. В качестве одной из основных типологических характеристик языков амазонской зоны (в особенности аравакских, в гораздо меньшей степени пирахан) указывается выражение в глагольной личной форме субъектно-объектных отношений, что совмещается с отсутствием особых субъектных и объектных местоименных словоформ [33—34]. Поэтому появление особых именных конструкций в функции субъекта или объекта в основном отмечается лишь в тех случаях, когда оно требуется отношениями между данным и новым (темой и ремой). Для всех предандийских аравакских языков общей типологической чертой является их «в высокой степени глагольная природа. Не только встречаются длинные цепочки глагольных суффиксов, но в повествовательных произведениях устного творчества отношение глаголов к именам и самостоятельным местоимениям составляет 4 : 1. Аффиксы, обозначающие лицо при глаголе, часто представляют собой единственные явные указания на участников действия» [35, с. 568]. ...«Один глагол часто содержит такую информацию, для передачи которой в некоторых других языках потребовалось бы довольно длинное предложение» [35, с. 605], ср. в ашанинка (предандийский аравакский язык подгруппы кампа в Перу в бассейне реки Укаями и в Бразилии) *no-ne-went-a-ye-we-t-an-ak-a-ri-tra* «мы видели на расстойнии, как они уходили», где по- 1-е л., *-ne-* — глагольная основа «видеть», *-went-* — обозначение удаленного предмета, *-ye-* — мн. ч., *-an-* передает аблативное значение, *-ak-* — перфективный вид, *-a-* (после *-ak-*) — обозначение возвратности в глагольной форме небудущего плана, *-ri-* — 3-е л. м. р., *-tra* — дубитативность (*-a-* между *went-* и *-ye-* и *-t-* между *-we-* и *-an-* имеют морфонологическую функцию эпентезы), т. е. один лексический морф сочетается с 9 грамматическими (1 префиксом и 8 суффиксами); в амуэша (предандийский аравакский язык в Перу) *θ-omaz-am^y-e^t-amp^y-es-y-e's-n-e'n-a* «они спускались по реке на лодке в позднее время дня, часто останавливаясь по дороге» [35, с. 582, фраза 60], где *θ-* — нулевое обозначение 3-го л., *omaz-* глагольная основа «спускаться вниз по реке», *am^y-* — дистрибутивность, *amp^y-* — передает функцию «глубинного» дательного, *-y-* — мн. ч., *-n-* обозначение позднего часа, *-e'n-* — прогрессивный вид, *-a-* — возвратность, остальные элементы имеют функцию эпентезы, т. е. один лексический морф сочетается с 7 грамматическими; в пиро (предандийский аравакский язык Перу) *θ-yoki-xra-hima-na-t-ka-n'a* «говорят, что их, к несчастью, стерли в порошок» [37, с. 87], где *θ-* — нулевое обозначение 3-го л., *-yoki-* — глагольная основа «раздолбить», *-xra-*

«паста, порошок», *-hita-* — пересказывательность, *-na-* — временное значение, *-ka-* — пассив, *-n'a-* мн. ч. — обозначение действия во вред. В приведенных примерах мысль целиком выражена глагольной формой и необходимости в использовании отдельных именных или местоименных словоформ не возникает. В тех же случаях, где такая потребность возникает, как в текстах на апалаи, почти в половине переходных конструкций отсутствует либо именное обозначение объекта и субъекта, либо именное обозначение субъекта [16, с. 34]. В гуаджаджара (семья тупи-гуарани, северо-восточная Бразилия) [18, с. 429—431] преобладание глагола связано с отсутствием выражения субъекта в именных формах в 90% случаев и объекта в 65% случаев в тексте.

В ягуа (последний сохранившийся язык почти вымершей семьи пеба-ягуа в северо-восточном Перу) соответствующие цифры составляют 70% и 63%. Поэтому утверждается, что «основным типом предложения в ягуа является глагол с окончаниями и ничего кроме этого» [38, с. 441], но ср. примеры именных конструкций с глаголом [39]. В агуаруна (группа хиваро в Перу, северо-западная часть бассейна Амазонки) в 4 текстах общим объемом 408 предложений только 1,3 из каждых 4 предложений содержала по одной именной конструкции или местоимению и общее отношение числа именных конструкций к глаголам составляет 1,5 : 4 [39].

Основная структурная роль глагольной словоформы в предложении в аравакских и некоторых других амазонских языках связана с обилием грамматической информации, выражаемой в этой форме посредством агглютинативной цепочки аффиксов (обычно суффиксов). Для амуэша предполагается не менее 33 рангов в ранговой грамматике, описывающей такие цепочки; для других аравакских языков выделяется от 10 до 20 рангов, но отличие аффикса от частицы не вполне ясно (ср. о урубун-капор [19, с. 385]).

В преданийских аравакских языках обилие модальных глагольных суффиксов делает необязательным использование отдельных наречий. Чрезвычайно любопытной чертой представляется почти полное отсутствие временных различий (если не считать будущего, часто имеющего, как в амуэша, значение намерения и поэтому приближающегося к модальным морфемам). Там же, где они есть, они могут выражаться по отношению ко всему предложению или вспомогательному глаголу (а не внутри обычной цепочки глагольных аффиксов). Наличие видовых и других грамматических уточнителей количества и качества действия при слабой выраженности собственно временных различий заставляет вспомнить о той картине мира, которую для северно-американских индейских языков предположил Уорф. Хотя его построения в отношении языка хопи во многом пересмотрены и уточнены на основе корпуса недавно записанных текстов, тем не менее остается несомненным, что время в хопи (как и в аравакских и некоторых других американоиндейских языках) не выражается теми грамматическими средствами, которые привычны для языков Европы [40, 41].

Из особенно наглядных сходств в отношении типологии таких глагольных выражений в хопи и амазонских языках, которым соответствуют именные конструкции в большинстве языков Старого Света, представляется существенным практически совпадающий тип глаголов, обозначающих обладание каким-либо предметом: в хопи глаголы с суф. *-ta*, мн.ч. *-yngwa* : *tavo-ta* «иметь собачку», *siva-y'ta* «иметь деньги» [40, с. 132—175], в аравакских языках (и в прааравакском [42, с. 164—165] глаголы с аффиксом, восходящим к прааравакск. **ka-/*kV-*, имеющим значения «огла-

голивания» обладаемого предмета: паумари аравакский язык в штате Амазонка в Бразилии в бассейне рек Пурус и Танауа) 'o-ka-pana-ki-ho «у меня есть вода», терена (аравакский язык в штатах Матто Гроссо до Сул и Сано Пауло) ko-xe 'xa-ti «у нее есть сыновья» (так же строятся и глаголы со значением каритива) [34, с. 564].

Если в подобных случаях глагольный аффикс (обладания или лишения) имеет функцию «отглаголивания» («вербализатора») по отношению к именным основам, обозначающим соответствующие предметы, то в очень большом числе случаев в функции имен используются глагольные основы, снабженные аффиксами-номинализаторами. В этом отношении выводы, касающиеся аравакских и других амазонских языков, могут быть сопоставлены с результатами, полученными ранее при анализе нутка, квакиутль и салишских языков в Северной Америке [25; 26; 27, с. 706, 745]. Хотя эти результаты и использованы для подтверждения универсальной значимости различения глагола и имени, по отношению к описываемым американским индейским языкам они важны вместе с тем и как свидетельства продуктивности именных отглагольных производных.

Производящая роль глагола сказывается, в частности, в таких отглагольных названиях, где соединение глагольной основы с последующими аффиксами используется для номинации как основных явлений природы (амуэша *ñeytʰ ye-soʹy-oʹt-amp-eʹn-eʹ* «то, которое нас освещает» = «солнце», где *ye-* 1-е л. мн. ч., *soʹy-* глагольная основа «освещать», *-amp* — морф со значением глубинного дательного падежа, *-eʹn* — морф прогрессивного вида, *eʹ* означает неспецифицированное лицо), как и новых технических достижений (ашанинка *ar-ako-mento-či* «вещь для людей, посредством которой летают» = «самолет», *ar-* «летать», *-ako-* — глубинный дательный падеж, *-mento-* — номинализирующий аффикс орудия, *-či-* — неспецифицированное лицо [43]; ср. другой тип названия от предикации признака к апалаи: *kae-no* «высокая вещь» = «самолет» от *kae-* «высокий» [16, с. 93].

Подобные названия, образованные от глаголов или прилагательных, часто имеют особый номинализирующий аффикс (обычно в конце): апалаи *xixi kuh-toro* «измеритель времени» = «часы» (номинализатор — *-toro*, глагольный корень *kuh-* «мерить»), канела *tep-pro-xà* «рыболовная сеть» (*tep-* «рыба», *pro-* «ловить», *-xà-* — номинализатор со значением «вещь, место, событие»), пирахан *ʔioʔbi ʔiboit-i-sai* «разрезатель ветра» = «пропеллер» (*ʔioʔbi* «ветер», *ʔiboit* «резать», номинализатор *-sai* [7, с. 277]), *ʔii kai-sai* «делатель вещей» = «завод», *gahio pi-ó ʔabaip-i-sai* «гидроплан» (*pi-* «вода», *abaip-* «садиться»), ягуа *taqari-myunáty-í* «предок» (*taqariy* «давным-давно», *munátya-* «первый», номинализатор — *-í* [38, с. 443].

В аравакских и некоторых других амазонских языках номинализированные отглагольные формы очень широко используются в функции, соответствующей относительным и другим подчиненным предложениям в языках иного синтаксического типа, ср. урубун-капор *kwaraxi pe i-ho-hon-me'e u-hyk* «тот, кто повторно шел к Икоракки, пришел» (русским придаточным предложением переведена номинализация на *-me'e* от редуплицированной формы глагола *hon-* «идти» с показателем 3-го л. 1-), апурина (предандийский аравакский язык в бассейне реки Пурус в штате Амазонка) *ny-karota-kary u-txawa* «он — тот, кто меня ранил», терена *áree hóyeno xúna-ti* «был человек, который был сильным» и т. п.

3. Типология порядка основных синтаксических единиц внутри предложения. По-видимому, с охарактеризованным выше преимущественно глагольным типом текста в таких амазонских языках, как гуаджаджара

и ягуа, связаны и существенные отличия этих (и некоторых других амазонских) языков почти от всех других ранее описанных языков мира по порядку следования V (глагола) и двух основных актантов — S (субъекта) и O (объекта). В языке, где, как в ягуа и гуаджаджара, отношения между последними выражаются преимущественно только внутри самой глагольной словоформы, самый этот вопрос по отношению к следованию слов в предложении (а не морфов внутри этой формы) мог бы показаться в известной мере псевдопроблемой и соответственно можно было бы думать о введении в типологию особого вида структуры: V (при нулевых значениях $S \rightarrow \emptyset$, $O \rightarrow \emptyset$). Однако общетеоретическая нежелательность этого радикального решения, которое бы очень затруднило типологические сопоставления ([34, с. 561; 38, с. 440, 458—459, ср., однако, там же, с. 453, 455—457: принятие «только V» как «немаркированного порядка»), приводит к попыткам определить взаимный порядок синтаксических элементов только на основании тех (маркированных и относительно редких) случаев, где есть хотя бы еще один из них, кроме V. Остается спорным с теоретической (и, в частности, со статистической) точки зрения самый принцип сопоставления таких выводов с теми, которые получены для языков, где обычно за основной принимается немаркированный порядок всех трех элементов (заметим, впрочем, что проблема альтернативного маркированного порядка встает и для этих языков [44, с. 311—312]). При таком подходе в гуаджаджара выявляется основной порядок слов VSO при возможности других порядков (VOS, SVO, SOV), хотя и в очень малом числе предложений (соответственно 4, 3, 2 в изученной выборке из 200 страниц текста). Другие же синтаксические характеристики гуаджаджара частично согласуются с порядком OV: наличие постпозиции (N-Postp), предшествования генитива в конструкции с именительным падежом (Gen-N), следование вспомогательного глагола за главным глаголом, предшествование нарицательного имени существительного-титла имени собственному, тогда как остальные синтаксические характеристики согласуются скорее с типом VO, в частности, порядок имя существительное — прилагательное (N — Adj). Это сочетание структурных характеристик сближает гуаджаджара (как и в еще большей степени некоторые другие центрально-бразильские языки, в том числе канела и мундуруку, входящий, как гуаджаджара, в семью тупи-гуарани) с «баскским» синтаксическим типом (с признаками: OV, N-Postp, Gen-N, N-Adj). В этих центрально-бразильских языках, как и во многих австралийских «баскский» синтаксический тип совмещается с согласованием глагольных аффиксов по эргативному типу при отсутствии соответствующих (эргативного и абсолютного) падежных показателей [18, с. 414]. Вместе с тем сходный синтаксический тип обнаруживается в карибских и некоторых других южноамериканских индейских языках «амазонской зоны» [45, 34, с. 474, 560]. Поскольку типологические характеристики гауджаджара отличаются от этих центрально-бразильских черт «баскского» типа, последовательно проведенного в мундуруку и капела, преобладанием порядка VSO в независимых предложениях, в этом последнем явлении видят вторичную инновацию [18, с. 415]. Сходное движение к языку типа VSO предполагается и для других амазонских языков, генетически (но не ареально) отличающихся от гуаджаджара. Язык ягуа, согласно этой реконструкции, вторично приобрел тот же набор характеристик, что и гуаджаджара, но двигаясь от другого исходного порядка элементов — возможно, *SVO [38, с. 453]. Обнаруживаемое в настоящее время в ягуа, как и в гуаджаджара, сочетание порядка VSO с другими чертами «баскского»

типа противоречит универсальным импликациям, предложенным в недавнее время вслед за Гринбергом [46—48], и требует их пересмотра и более осторожного переформулирования.

Оба вывода, сделанных на основании анализа типа языков ягуа и гуаджаджара — независимость большинства характеристик центрально-бразильского варианта «баскского» сочетания признаков порядка других синтаксических элементов от порядка элементов S, V, O и вторичность порядка VSO (из *SOV) в некоторых из амазонских языков — делаются и в исследованиях, посвященных языкам другой семьи — аравакской (амуэша, группе кампа и языкам на территории Перу) [34, с. 472—474, 558—561]. При разнообразии порядка элементов S, V, O в разных аравакских языках обнаруживаются вероятные следы движения от порядка *SOV к VSO (или SOV) [35, с. 636—637; 34, с. 559]. В отношении метода всех обобщаемых новейших исследований по аравакским и другим амазонским языкам следует особенно отметить то, что типологическая «дисгармоничность» предполагает следы изменения порядка элементов и дает основание для внутренней реконструкции направления этого движения. Иначе говоря, противоречия, обнаруживаемые при соотнесении данных этих языков с выводами синхронной типологии и ее импликациями, разрешаются благодаря введению диахронических гипотез, объясняющих дисгармоничность типа амазонских языков.

Другим существенным выводом, который оказалось возможным ввести в типологию порядка основных синтаксических элементов при изучении ее на амазонском языковом материале, явилось обнаружение целого ряда языков, в которых (вопреки обобщениям, проникшим уже даже в популярные руководства по лингвистике) не только O предшествует S и V, но, кроме того, O может занимать первое место в предложении [48—50; 33, с. 16—17]. Особенно существенно то, что в карибских и некоторых других амазонских языках обнаруживается движение в сторону порядка слов, характеризующегося вынесением объекта в начало. Из карибских к языкам этого типа в настоящее время бесспорно относятся апалаи, арекуна, хванакото, хичкарьяна, из языков семьи тути-гуарани — асурини, из восточнотуканских — южнобарасаносский, из группы чибча-терибе, из других групп уаринна (во всех перечисленных языках порядок OVS), из аравакских — апурина, из группы же — шаванте, из предположительной другой семьи — надеб и, возможно, ему родственный хуца (в последних языках порядок OSV); кроме того, к языкам с начальным O предположительно относятся и еще несколько амазонских языков разных семей; в амазонской зоне есть, наконец, три языка типа VOS (в том числе упоминавшийся выше терена). Этот последний тип встречается еще в Мексике, на Мадагаскаре и в западнотихоокеанском ареале, тогда как типы OVS и OSV до настоящего времени известны преимущественно в амазонском ареале. Многообразие возможностей перестановок внутри группы из этих трех элементов составляет отличительную черту языков амазонского ареала, в связи с чем понятна исключительная важность этих данных для типологии, порядка этих элементов — указанная типология изучалась ранее без учета амазонских языков, что потребовало внесения существенных исправлений в предложенные типологические обобщения.

4. Типология эргативности в синхронии и диахронии. При внутренней реконструкции причин того изменения, вследствие которого гуаджаджара отклонился (благодаря *развитию порядка *OV → VO) от центрально-бразильского варианта «баскского» типа, предполагается, что это изме-

нение было связано с началом отхода от эргативности [18, с. 415]. В настоящее время в гуаджаджара сосуществует эргативно-абсолютивная система местоименных префиксов А (*he-kisi takihe- rure aʔe* «меня — порезал ножа — посредством он») и номинативно-аккузативная система В (*a-esak-kakwez kaʔi ihe* «я — вижу в далеком засвидетельствованном прошлом обезьяну я»). Предполагается, что вторая система (как и во многих других амазонских языках, постепенно отходящих от эргативности) является результатом инновации, приведшей и к перестройке порядка слов. Первая система (А) глагольных префиксов используется и при глаголах, действие которых не контролируется волей субъекта (*he-rurywate ihe* «я — счастлив — я»), тогда как вторая система (В) используется при глаголах, обозначающих контролируемое действие (*a-zen* «я — бегу»). «Расщепление» (или ветвление, т. е. выбор) по одной из этих систем глагольных префиксов зависит также от ранга субъекта (или объекта) в независимом предложении с переходным глаголом и от некоторых других синтаксических факторов. Такое «расщепление» противоречит некоторым из обобщений, предложенных ранее [51] в работах по общей теории эргативности [18, с. 424—425]. Хотя гуаджаджара принадлежит к числу языков, выражающих, как и те австралийские, на материале которых преимущественно основывался Диксон, эргативность с помощью связанных глагольных аффиксов и свободных частиц, распределение функций между этими грамматическими элементами в гуаджаджара противоречит выводам Диксона [18, с. 725]. Любопытной чертой системы «расщепленной эргативности» в гуаджаджара является отличие использования двух систем префиксов в независимом и зависимом предложениях, которые противопоставлены и по порядку следования элементов. Именно это и использовано при внутренней реконструкции [18], допускающей сохранение в зависимых предложениях более архаичного порядка элементов, связанного с эргативностью (к сохранению синтаксических архаизмов в подчиненных предложениях могут быть приведены типологические параллели из таких индоевропейских языков, как древнеиндийский).

Сосуществование эргативной системы именных флексий (с показателем эргатива *-a*) и аккузативной (с показателем объекта-данного или «темы» *-ra*) отмечается в бразильском аравакском языке паумари [34, с. 497—500], где есть основание предполагать, как и в гуаджаджара, связь эргативности с более ранним порядком слов, меняющимся при движении к типу SVO при отходе от эргативности [34, с. 559]. Следовательно, предполагаемые пути преобразования эргативности и порядка основных синтаксических элементов сходны в разных амазонских языках независимо от их генетической принадлежности.

5. Некоторые выводы. Рассмотренные новые исследования по типологии амазонских языков представляют интерес особенно в трех отношениях. Во-первых, они показывают, что стремление представить типологические обобщения в виде строгих логических импликаций (типа: если SVO, то N-Adj), которое вслед за Грипбергом было и у других исследователей [47, 48], скорее должно смениться более осторожными вероятностными универсалиями. При этом следует иметь в виду, что целый набор синтаксических характеристик (SVO, N-Postp, Gen-N, N-Adj) может в целом (независимо от его логической взаимообусловленности) функционировать как «вектор», характеризующий некоторый ареал (в данном случае — центрально-бразильский и/или амазонский). Во-вторых, отступления такого «вектора» от отношений логической импликации объясняются разными диахроническими путями развития данной типологической харак-

теристики, в частности, тем, как языки приобретают показатели эргативности — из аффиксов имени (как многие языки Старого Света) или из местоименных морфов (включаемых в глагольную форму, ср. типологию одного из двух спряжений в кетском и других сибирских языках, что отражается и на их типологии [18, с. 428]). Сходным образом в фонологической типологии тонов существенным оказывается разное их происхождение [52]. В-третьих, приобретаемые всеми (или многими) языками данной «зоны» (языкового союза в широком смысле) черты становятся приметами этой зоны, как недавно особенно убедительно показано на примере среднеамериканской «зоны» [53]. Некоторые из черт, определяющих тип такой широкой зоны, как среднеамериканская, повторяются в качестве примет языковой «зоны» и в условиях другого пространства — времени. Так, использование относительных имен в конструкциях с притяжательными местоименными аффиксами для выражения пространственных отношений (типа мам *n-xaq'-a* «подо мной = моя нижняя сторона» [53, с. 545—546]) составляет отличительную черту как среднеамериканской «зоны», так и ряда древнеближневосточных языков (древнехеттского, старохурритского, староаккадского [32, с. 138]), с этой и с других точек рассматриваемых как входящие в единый ареал. Любопытно, что в последних обнаруживается и наличие эргативности как ареальной черты при различии в способах ее выражения (хеттский «эргатив» на *-ant-* в недавно обнаруженной хурритско-хеттской билингве, переводящий хурритские формы эргатива на *-še*, при лувийском эргативе на *-ša*, для которого предположена прямая связь с хурритским). В последних сводных описаниях амазонских языков эргативность (с позднейшей тенденцией к отходу от нее) выдвигается (наряду с другими отмеченными выше грамматическими характеристиками) в качестве приметы всего ареала Амазонки [33, 34]. Поэтому возможно, что и наличие эргативности и/или активности в таких языках, как австралийские [12, 51] и древнеближневосточные, должно рассматриваться не столько как свидетельство их относительной (стадиальной) архаичности или абсолютной древности во временном плане, но и как пространственная характеристика целой большой зоны в определенный период времени. Вместе с тем возникает вопрос и о числе признаков, необходимом для выделения подобных больших зон. В недостаточно оцененной работе Мейсена вслед за Гринбергом и Ларошеттом были намечены (на наш взгляд убедительно) на разных уровнях (от фонологического до лексико-семантического) признаки африканской «зоны» языков [54]. Кажется весьма возможным, что по мере выявления таких зон, охватывающих очень большие территории, например, Индийский субконтинент у Эмено и Тего последователей вплоть до целых континентов, больше внимания привлекут и ранние наблюдения Боаса (в последних американских публикациях забытые!), и идея «евразийского языкового союза» Якобсона и сходные мысли Е. Д. Поливанова о языках Средней Азии, и высказанные под влиянием Трубецкого соображения Э. Леви² [55, 56] о типологии языков Европы и некоторых других зон. По отношению к таким объединениям языков, фигурировавших в прежних генеалогических классификациях, как палеозиатские («палеосибирские»), или «иберийско-кавказские» (включающие языки разных семей), их переосмысление как типологически единых зон, а не семей, кажется вполне реальным (хотя аналогичный опыт Трубецкого, изучавшего индоевропейский в его отношении к другим географически смежным языковым семьям, и остается пока без продолжения); между тем в духе идей Э. Леви можно было наметить географическую типологию во всяком

случае некоторых признаков, таких, как префиксальность—суффиксальность, по которым противопоставляются целые группы не только современных языков, но и праязыков на территории Евразии и Африки, где образуются «сети» по терминологии Трубецкого [57]. В других случаях, как в Австралии, вероятно вторичное образование типологических «зон» внутри семьи (отдаленно) родственных языков. В случае Амазонии это, по-видимому, не так, потому что характерные признаки амазонских языков обнаруживаются у некоторых карибских, по Мэттсон не входящих в принимаемую ей (а в последнее время — в несколько ином варианте и Гринбергом) америндейскую макросемью. Наоборот, отмечаемая Дербишайром [33] древность культуры амазонского ареала в сочетании с общекультурологическим тезисом о связи ранних земледельческих культур с бассейнами великих рек позволяет поставить вопрос о следах взаимодействия и креолизации языков в пределах древнеамазонской единой культуры, что, однако, нуждается в археологической проверке.

Таким образом, при достаточно сложных переплетениях и пересечениях генеалогической, ареальной и чисто типологической классификации языков за каждой из них остаются свои права. Но в последнее время все более важным представляется выделение таких типологических черт и их совокупностей, которые (как отмеченный центрально-бразильский вариант «баскского» типа или как начальное положение O в группе типа OSV) однозначно характеризуют одну определенную зону и позволяют на фоне ее общей синхронной характеристики наметить и возможные пути типологического преобразования входящих в нее языков разных семей в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maddieson I. Patterns of sounds. Cambridge, 1984.
2. Lindblom B. Adaptive variability and absolute constancy in speech signals: two themes in the quest for phonetic invariance // Proceedings of the Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. August 1—7, 1987. V. 1—6. Tallinn, 1987. P. 16.
3. Lindblom B., Maddieson I. Phonetic universals in consonant systems // Language, speech and mind / Ed. by Hyman L. M. and Li C. N. Croom Helm, 1988.
4. Everett D. Some remarks on minimal pairs // Notes on linguistics. 1982. V. 22.
5. Everett D. Phonetic rarities in Piraha // Journal of the International Phonetic Association. 1982. V. 12.
6. Everett D. Sociophonetic restrictions on subphonemic elements in Pirahã // Proceedings of the X International Congress of Phonetic Sciences / Ed. by Cohen A. and Van der Broecke M. P. H. Amsterdam, 1984.
7. Everett D. Piraha // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. 1. Berlin — Amsterdam — New York, 1986.
8. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для языковедных вузов. Л., 1928. С. 158.
9. Ladefoged P., Maddieson I. Some of the sounds of the World's languages // UCLA Working papers in phonetics. 1986. 64. P. 8.
10. Bell A. // Language. 1986. V. 62. № 4. P. 901. Rec.: Maddieson I. Patterns of sounds. Cambridge, 1986.
11. Sommerfelt A. Le système phonologique d'une langue australienne // TCLP. 1939. 8. P. 210.
12. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 216—220.
13. Schukmacher W. Beiträge zur Synchronie und Diachronie austronesischer Sprachen. Der samoanische Reflex auf Urapolynesisch / ptk ʔmng // Acta Orientalia (Hafniansia). 1972. V. XXXIV.
14. Поливанов Е. Д. Айнский язык (рукопись: ф. 623, оп. 1, ед. хр. 103, л. 130—132).
15. Добротворский М. М. Айнско-русский словарь. Казань, 1875.
16. Koehn E., Koehn S. Apalai // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. 1. Berlin — Amsterdam — New York, 1986.
17. Popojes J., Popojes Jo. Canela-Krahô // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. 1. Berlin — Amsterdam — New York, 1986. P. 183—189.

18. Harrison C. H. Verb prominence, verb initialness, ergativity and typological disharmony in Gua'ajara // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986.
19. Kakumasa J. Urubu-Kaapor // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986. P. 399—400.
20. Everett D. L. Ternarity in Pirahã phonology // Proceedings of the Eleventh International Congress of Phonetic sciences. August 1—7, 1987. Tallinn, 1987. P. 105.
21. Everett D., Everett K. On the relevance of syllable onsets to stress placement // Linguistic inquiry. 1984. V. 15.
22. Chao Yuen-Ren. Meaning in language and how it is acquired // Transaction of the Tenth Conference on cybernetics. N.Y., 1955.
23. Иванов Вяч. Вс. Некоторые проблемы современной лингвистики // Общее языкознание. Хрестоматия. Минск, 1987. С. 31.
24. Сенир Э. Язык. М. — Л., 1934.
25. Jakobsen W. H., Jr. Noun and verb in Nootkan // The Victoria conference on North-western languages. Ed. by Efrat B. S. Victoria, 1979.
26. Hébert Y. Noun and verb in Salishan language // Kansas working papers in linguistics. 1983. V. 8.
27. Hopper P. J., Thompson S. A. The discourse basis for lexical categories in universals grammar // Language. 1984. V. 60.
28. Hopper P., Thompson S. A. The iconicity of the universal categories «noun» and «verb» // Iconicity in syntax / Ed. by Haiman J. Amsterdam, 1985.
29. Robins R. H. Noun and verb in universal grammar // Language. 1952. V. 28.
30. Langacker R. W. Nouns and verbs // Language. 1987. V. 63.
31. Hagège C. L'homme des paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. 2-me éd. La Flèche (Sarthe), 1986. P. 174—188; 260—269.
32. Иванов Вяч. Вс. Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности М., 1986.
33. Derbyshire D. S., Pullum G. K. Introduction // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986. P. 19.
34. Derbyshire C. D. Comparative survey of morphology and syntax in Brazilian Arawakan // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986. P. 473.
35. Wise M. R. Grammatical characteristics of pre-Andine Arawakan languages in Peru // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986.
36. Kindberg W. Campa (Arawak) morphology // A William Cameron Townsend en el vigésimo-quinto aniversario del Instituto Lingüístico de Verano. Mexico, 1961. P. 527.
37. Matteson E. The Piro (Arawakan) language. Berkeley — Los Angeles, 1965.
38. Payne D. L. Basic constituent order in Yagua clauses: implications for word-order universals // Handbook of Amazonian languages / Ed. by Derbyshire D. S. and Pullum G. K. V. I. Berlin — Amsterdam — New York, 1986.
39. Payne D. L. Noun classification in Yagua // Noun classes categorization. Proceedings of a symposium on categorization and noun classification. Amsterdam — Philadelphia, 1986. P. 458.
40. Stahlschmidt A. Das Verbalssystem des Hopi. Eine semantische Strukturanalyse der Hopi-Grammatik unter besonderer Berücksichtigung von B. L. Whorfs Thesen zur Zeitauffassung der Hopi-Indianer. Kiel, 1983.
41. Malotki E. Hopi time. A linguistic analysis of the temporal concepts in the Hopi. Berlin — New York — Amsterdam, 1983.
42. Matteson E. Proto-Arawakan // Comparative studies in Amerindian languages / Ed. by Matteson E. The Hague, 1972.
43. Kindberg W. Diccionario asháninka. Pucallpa, 1980. P. 577.
44. Watkins C. Towards Proto-Indo-European syntax: problems and pseudo-problems // Papers from the parasession on diachronic syntax / Ed. by Stewer S. B., Walker C. A. Mufene S. S. Chicago, 1976. P. 311—312.
45. Derbyshire D. S. Hixkaryana and linguistic typology. Dallas (The Summer Institute of linguistics and the University of Texas at Arlington), 1985.
46. Hawkins J. Implicational universals as predictors of word order change // Language. 1979. V. 55.

47. *Hawkins J.* On implicational and distributional universals of word order // *Journal of linguistics*. 1980. V. 16.
48. *Hawkins J.* Word order universals. N. Y., 1983.
49. *Pullum G. K.* Object-initial languages // *IJAL*. 1981. V. 47.
50. *Pullum G. K.* Languages with O before S: a comment and catalogue // *Linguistics*. 1981. V. 19.
51. *Dixon R. M. W.* Ergativity // *Language*. 1979. V. 55.
52. *Maddieson I., Hess S. A.* The effect on Fo of the linguistic use of phonation types // *Proceedings of the Eleventh International Congress of Phonetic Sciences*. August 1—7, 1987. Tallinn, 1987.
53. *Campbell L., Kaufman T., Smith-Stark T.* Meso-America as a linguistic area // *Language*. 1986. V. 62. N 3.
54. *Meussen A. E.* Possible linguistic africanisms // *Language sciences*. 1975. № 35.
55. *Lewy E.* Der Bau der europäischen Sprachen. Dublin, 1942. S. 12—13; 188; 613.
56. *Lewy E.* Kleine Schriften. Berlin, 1961.
57. *Трубецкой Н. С.* Избранные работы по филологии. М., 1987